

Евгения Глушенко: Главное — зацепиться за дело

Редакция «ДА» гавно мечтала увидеть в гостях народную артистку России, одну из ведущих актрис Малого театра Евгению Глушенко, известную миллионам кинозрителей.

Но Глушенко прежде всего — актриса театра. Ею блистательно сыграно немало ролей на родной сцене Малого, в Театре Армии, куда актриса ушла вслед за режиссером Борисом Морозовым. Но потянуло обратно домой — в Малый, и она вернулась. Первой ролью после возвращения стала Зинаида Саввишна в «Иванове» А.П. Чехова в постановке Виталия Соломина. Сегодня актрису можно увидеть в спектаклях «Корсиканка», «Волки и овцы».

Редакция робела, поскольку знала, что Евгения Константиновна не любит давать интервью.

Редакция робела и по другой причине — ведь мы сами трепетно и нежно относимся к Евгении Глушенко, а потому нам не хотелось лишней раз тревожить актрису. Сейчас она каждый день занята в репетициях спектакля «Правда хорошо, а счастье лучше», который ставит известный режиссер Сергей Женовач. Но у газеты все-таки сработал инстинкт профессионального эгоизма, и мы проявили настойчивость в достижении цели. Покаялись, что не будем спрашивать про личную жизнь, поскольку прекрасно понимаем, как атакует Глушенко бульвар сомнительными вопросами, зная, что ее муж — тоже известный артист А.А. Калыгин. И к нашей радости, Евгения Глушенко пришла к нам на разговор.

Общаться с ней — наслаждение. Встреча длилась почти шесть часов. Не без сожаления пришлось отказаться еще от двадцати страниц расшифрованного текста.

Как водится, был накрыт стол — без излишеств, но и без бедности — благодаря ресторану ЦДА, а также личным усилиям редакции. Как водится, директор Дома Актера Маргарита Эскина пришла поцеловать актрису и выразить желание видеть Женечку на Арбате, 35, чаще. Главным редактором «ДА», как водится, была зачитана ода.

Женя — уникальная актриса, блистательная характерная актриса со шмяющей нотой актрисы драматической. Ее диапазон огромен. И лучшие ее роли — где характерность сочетается с драматизмом. Жаль, что таких ролей мало. Драматурги, к несчастью, не рассчитывают на таких блистательных актрис, когда пишут свои пьесы, не берут таких в расчет. Кроме таланта, Женю с института отличали, мягкость, женственность, обаяние. Что-то в ней для нас было... Это было настоящее тепло. Студентами мы выходили в Малом театре в массовке — мы были пажи и носили шлейф за королевой-Еремеевой в «Стакане воды». Для нас дни, когда шел «Стакан воды», были особенными. У нас были одинаковые костюмы, грим, парики. Воспоминание об этом — одно из самых трепетных, оставшихся в душе навсегда: запах грима, кулис, сколько в Малом театре потаенных, особенных мест, уголков. У нас существовала своя программа ритуалов, расписанная по минутам: вот мы приходим, смотрим такую-то сцену из-за кулис, одеваемся, выходим на сцену, еще какую-то сцену смотрим... Это был наш, девчушек, свой спектакль в огромном театре. И вот Женя от пажа прошла путь до королевы — Наполеон ее Жозефину короновал!

Анна Каменкова,
заслуж. артистка России

Ода

Евгения Глушенко стала известна миллионам благодаря своему кинообразу Платоновой в фильме «Пьеса для механического пианино». Актриса сыграла Сашу Платонову, как написано у Чехова, некрасивой, неумной, отчаянно провинциальной, но она также сумела найти в ней свойства трепетной нежности и успокоительной простоты. Редко актрисы обладают мужеством обнаруживать в себе некрасивое, чтобы усилить правдивость создаваемого образа. Но еще реже способны наделять своих героинь особым обаянием.

С Евгенией Глушенко на наш экран пришел исключительный и неповторимый женский тип — смиренного бытия, скромности желаний, тихого и робкого присутствия в мире. Глушенко сумела незаметных, кротких созданий, на которых не удержишь взгляд в толпе, сделать заметными и усилить, развить в нас сострадание и человечность.

Типаж в кино опасен, особенно если актер не защищен школой и личной волей. Ученице Царева, воспитаннице театрального училища им. М.С. Щепкина, ей поначалу была уготована роль субреток (первая роль в Малом — Лиза в «Горе от ума»). Она, вероятно, многое сумела взять у мастеров старейшего театра, но и сразу заставила обратить на себя внимание режиссеров как на актрису широкого диапазона. В перечне ролей, сыгранных Глушенко, Корделия в «Короле Лире» Шекспира, Берта в «Заговоре Фиеско в Генуе» Шиллера, Матрена Харитоновна в «Горючем сердце» Островского, Сюзанна в «Преступной матери, или Втором Тартюфе» Бомарше, Глафира Беренчук в «Пире победителей» Солженицына и др.

За плечами — этап работы в Театре Армии, где Глушенко сыграла Василису в «На дне», Эмилию в «Отелло». Роли, сказав бы сегодня, второго плана актриса сыграла блистательно, с правом на судьбу.

Глушенко — актриса, которая также уверенно чувствует себя в комедии. В ней есть лихой азарт, неагрессивный кураж. Стоит посмотреть на ее Жозефину в комедии Губача «Корсиканка», где она играет женщину-хозяйку, женщину мира. И оказывается, Наполеону уют и забота необходимы не меньше, чем признание его исторических заслуг.

Евгения Глушенко делает значимой обыкновенную жизнь женщины, живущей домашними хлопотами, заботами о быте и беспокойством за мужа, любимого.

Ее создания всегда достоверны. Это актриса, которая знает о том, что такое правда на сцене. Она всегда готова рискнуть ради этой правды, способна жертвовать актерскими амбициями настолько, что кажется, у Евгении Глушенко их просто нет.

Ольга Галахова

— Евгения Константиновна! Вы работаете в Малом театре, актеров которого всегда отличали правильная речь, прекрасно поставленные голоса. В какой степени подготовка сегодняшних студентов соответствует требованиям театра?

— Хороших голосов мало. А правильность речи... Много, конечно, безграмотности. Пока молодые, всему нужно учиться, все надо развивать по максимуму: и культуру речи, и голос, и пластику. Другое дело, что, может быть, неохота заниматься. Они — другое поколение... У нас были мастера, достойные преклонения. Мы готовили отрывки с Казанским, Дмитриевым, Солнцева. А примерно за неделю до экзамена к нам приходил Михаил Иванович Царев и каждый день всю эту неделю с нами репетировал. Сейчас уже я пришла к выводу, что и мы, конечно же,

«Рядовые». Лидя

недооценивали своих педагогов. Нам казалось, что слишком долго Казанский говорил о Михаиле Чехове... Боже, ну какие мы были дураки! Потом, через пять, семь лет мы жадно читали о Чехове, пытаясь понять, что же это был за артист. А ведь нашим педагогом был человек, который его знал, играл вместе с ним, рядом с ним стоял. Очень жалко, что мы слушали, но многого не слышали. Мы хохотали, когда Дмитриев до-о-ого говорил о ритме роли...

— Скорее играть надо было? *Костюм, парик...*

— Конечно. Наверное, в этом и есть отличие молодости от зрелости. В юности кажется, что все впереди: «А, это я еще успею!» А потом понимаешь, что пропустил важное и взята уже негде, поздно.

— Абитуриенты мечтают выйти на сцену, чтобы хотя бы сказать «Кушать подано». А потом...

— Когда мы выходили в массовках, мы, конечно, ощущали большой трепет. Помню, как мы с Анечкой Каменковой гордились, что выходим в «Стакане воды» пажими. Со второго курса в Малом театре! Когда Татьяна Александровна Еремеева — королева уходила, на глазах у нее были слезы. Потрясающе! Я всегда себе говорю: «Какая ты, Женя, счастливая! Ты видела этого, этого, этого артиста». Когда молодым ребятам рассказываю, они смотрят: о-о-о! — как на бабушку русской революции. Мне посчастливилось, потому что и Ильинский, и Бабочкин, и Константинов, и Жаров, и Кенигсон — всех их еще видела, начиная с 70-го года, когда поступила в училище.

Это были звезды. Тогда не принято было так говорить, но актеры потрясающие...

— Вы ведь играли с Михаилом Царевым...

— Да, в «Горе от ума», «Фиесте», «Короле Лире».

— Переход от ученичества к партнерству тяжелый?

— Царева я, конечно, боялась, но он ко мне относился прекрасно. Не опекал, издали следил за мной, но всегда был внимателен. Впрочем, опека была уже в том, что я его ученица, в его имени, в том, что он взял меня в театр. Мне повезло. Мы работали в спектакле — и это была лучшая учеба. Вообще, я многим своим партнерам благодарна: Виталию Соломину, Нелли Корниенко, Боре Клюеву. Они были старше меня, но приняли меня в свою компанию. Тогда в театре были, конечно, какие-то сложности, трения. «Свои» актеры группировались вокруг лидеров... Я старалась в это не очень вникать.

— Расскажите про Виталия Соломина.

— Он обладал даром педагога. Я была так научена, и это соответствовало моему характеру: если режиссер говорит, нужно максимально точно исполнять. Естественно, когда не понимала, исполняла рисунок, а не суть. Бегаю на репетиции Лизы, мотаюсь, как сумасшедшая, говорю текст... Потом Виталий Соломин ко мне подходит: «Чего ты бегаешь как дура?» — «А как же?» — «Да не слушай ты никого». — «А что же мне делать?» — «Ну, приходи пораньше, разберем немножко твою роль». И вот он работал со мной как педагог. Рассказывал о судьбе Лизы, откуда она, в какой деревне росла. Он заставлял меня конкретно мозгами работать. Потому что, если ты из деревни, то ты знаешь, что такое «в глушь, в Саратов». У тебя лицо при этих словах изменится. Или говорит: «Ложись в кресло» Я скрутилась. Он: «Тебе так спать хочется, ты же всю ночь стояла около двери. У тебя слюна течет от счастья, что ты спишь. Поэтому проспала». Я лежу в кресле, а он мне наговаривает, и у меня возникает это ощущение... — «Теперь сползай, тело становится ватным. Расслабься, расслабься». И я наконец сползла. А то никак не могла упасть со стула. Такие нюансы — это и есть работа с актером. Не зря Соломин потом стал режиссером.